

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ

Кузьмина Ильи Андреевича «Мир Востока в прозе Лоуренса Аравийского» (Москва, 2026), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. – Литературы народов мира (филологические науки)

Имагологическая проблематика – одна из ведущих областей современных гуманитарных исследований. Научные достижения в этой области необходимо носят междисциплинарный характер, но при этом, как правило, имеют теоретико-методологическую опору преимущественно в одной из дисциплин гуманитарного профиля, в связи с чем соотносятся с историческим, социологическим, культурологическим или же литературоведческим ракурсом осмысления текстов и дискурсов.

Представленная диссертация, посвященная изучению восприятия мира Востока в прозе английского писателя, дипломата и военного разведчика Т.Э. Лоуренса, исследует созданные им военные мемуары «Семь столпов мудрости» в подчеркнуто литературоведческом ключе и тем самым соотносится с **актуальной** имагологической (точнее, имагопоэтической) сферой современных исследований о литературе. Она исходит из утвердившегося научного представления о пограничной природе мемуаров как текстов, в которых документальный дискурс синтезирован с началом публицистическим и художественным через образ автора, а также стратегию и приемы создания целостной, чувственно воспринимаемой картины прошлого. Вместе с тем, **актуальность** диссертации И.А. Кузьмина обусловлена самим материалом и предметом исследования, поскольку, будучи сфокусированным на образе Востока в мемуарах активного участника (и организатора) Великого арабского восстания 1916–1918 годов, оно затрагивает релевантные для современной геополитической ситуации вопросы культурно-исторического и собственно политического характера.

С предметом, объектом и материалом исследования связана его безусловная **научная новизна**. Оно вводит в научный оборот отечественного литературоведения значимый для английской культуры текст мемуарного характера, в связи с чем освещает различные стороны характера и жизни его автора Т.Э. Лоуренса, и представляет собой первую в мировом литературоведении попытку литературоведческого описания образа Востока в этом тексте.

Целью изучения нового объекта и предмета исследования обусловлена **структура** представленной диссертации: она состоит из Введения, трех глав, в которых диссертант последовательно движется от описания биографической и исторической основы мемуаров

Лоуренса «Семь столпов мудрости» (Глава I) к осмыслению концепции арабского Востока, в том числе, арабского менталитета в этой книге (Глава II) и, наконец, к комплексному анализу ее поэтики, включая характеристику заглавия, образа автора, системы персонажей, пейзажа (Глава III), Заключения и Списка литературы (172 наименования). Внутренняя структура глав, как и организация структуры диссертационной работы, в целом, отличается логичностью и взаимосвязанностью всех частей. На этом фоне не может не вызвать недоумение *неструктурированность списка литературы*, поданного «сплошным перечислением» различных источников, включая те, которые *представляют собой основной материал исследования, а также научные статьи самого диссертанта*, в которых представлены результаты работы над темой диссертационного исследования.

Во **Введении** изложены цели и задачи исследования, определены его актуальность и значимость, описана методология, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Уже эта часть работы демонстрирует терминологическую и фактическую точность, логичность и последовательность в изложении материала, но при этом порождает некоторые вопросы к научной эрудиции диссертанта. На с. 8 диссертации изложены сведения о методологии, опирающейся на «биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический и герменевтический методы». Возникает закономерный вопрос: *По какой причине среди опорных методов и подходов не назван имагологический подход в литературоведении, необходимый для такого рода исследований?* Связан с этим вопросом и второй: *Каково основание для отсутствия в Списке литературы и списке авторов, чьи работы обозначены на с. 5 диссертации в качестве «источниковедческой основы диссертации» ключевых для теории имагологии имен А. Пажо, Й. Леерсена, В.Б. Земскова, а также О.Ю. Полякова, Л.Ф. Хабибуллиной и некоторых других авторов?* Имагологические изыскания В.П. Трыкова представлены учебным пособием, а не монографией и статьями; книга Э. Саида (странным образом охарактеризованного как «литературовед» на с. 56 диссертации), необходимая в качестве теоретической базы для любого серьезного разговора о Востоке глазами Запада, также не включена в «источниковедческую основу диссертации» и лишь упомянута (без попыток серьезного научного комментария) на разных страницах диссертации.

Не вызывают сомнения формулировки цели, задач и, в целом, положений, выносимых на защиту: они тщательно продуманы, соотнесены между собой, точно и ясно изложены; дальнейший же ход рассуждений и комплексный анализ основного материала исследования обеспечивают **обоснованность** основных его положений, как и общую **достоверность** основных выводов. Особенной значимым с точки зрения дальнейших перспектив научного исследования И.А. Кузьмина представляется вывод, который изложен

в девятом положении, выносим на защиту: «Книга мемуаров «Семь столпов мудрости» может быть оценена как литературный памятник, который обладает художественными достоинствами на уровне заглавия, языка повествования, образов персонажей и изображения пейзажей, что позволяет говорить об авторе как художнике слова» (с. 11 представленной диссертации).

Вместе с тем, в связи с отсутствием опоры на необходимые теоретические источники вывод о том, что мемуары Лоуренса Аравийского преодолевают характерный для английского восприятия цивилизаторский дискурс, связанный с принижением чужой культуры (третье положение, с. 10), представляется дискуссионным.

Этот вывод сделан на основании сопоставления биографического, исторического, имагологического контекстов с центральным для диссертационного исследования И.А. Кузьмина текстом – мемуарами Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости». Указанное сопоставление занимает **первую и вторую главы диссертации**, написанные хорошим научным языком, снабженные множеством текстовых иллюстраций и, в целом, необходимым научным инструментарием (хотя, заметим в скобках, термин «миф» так и остается не введенным и не прокомментированным). Особенно ценным в **первой главе «Историко-биографическая основа книги Лоуренса Аравийского»** представляется логичное и вполне обоснованное выделение поджанра военных мемуаров в составе мемуарного метажанра (с. 47–53) с акцентуацией таких черт как идеологичность, историчность, описание противников, строгие временные и географические рамки повествования, коллективный голос «бойцов»-соратников, с которым сливается авторский голос и т.п. Интерес представляет и предложенная Ильей Андреевичем концепция трехсоставности европейского (включая английский) восприятия Востока, в котором, по мнению диссертанта, следует выделять сказочно-романтизированный и оборонительно-имперский дискурсы (в литературе) и дискурс «достоверный», документальный (в науке). Вместе с тем, остаются принципиальные вопросы: *Почему диссертант ориентировался исключительно на некоторый (далеко неполный, ведь в нем нет ни поэмы Дж. Драйдена «Лань и Пантера», например, ни «Лаллы Рук» Т. Мура, ни «Кима» Р. Киплинга) набор неглубоко проанализированных художественных произведений, минуя аналитический обзор ключевых работ в этой области (в частности, диссертации А.Р. Гейзера «Восточная тема в английской литературе XVIII в.», англоязычных монографий Naji B. Oueijan “The progress of an image: The East in English Literature”, I.B. Neumann “Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation” – они попросту отсутствуют в Списке литературы)? Как выделение «сказочно-романтизированного» и «оборонительно-имперского» дискурсов соотносится с утвердившимся представлением об ориентализме в*

западной культуре (Э. Саид) и с наблюдениями Наджи Уиджана о том, что уже у Чосера мусульманский мир ассоциирован с враждебностью и демонизмом?

Глава вторая «Концепция арабского Востока в книге Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» сосредоточена на описании концепции Востока у Т.А. Лоуренса; в ней его мемуары последовательно анализируются в аспектах национальной ментальности, пейзажа, традиций и поведения во время военных действий. К несомненным достоинствам этой главы относится скрупулезность и последовательность в анализе основных составляющих образа Востока, созданного в книге Лоуренса, логичность и взаимосвязанность научных рассуждений и выводов. Наиболее концептуальным из них представляется вывод о выделенности в «Семи столпах мудрости» таких константных характеристик арабского менталитета как «глубокая религиозность, гостеприимство, трудолюбие, крепкие родственные связи <...> и особое отношение к смерти» (с. 170). Безусловно значимым является и вывод о том, что «изображение арабов как участников военных действий позволило автору» «показать своеобразие их национального характера», «раскрыть их потенциал как нации, а его установка на документализм, аналитичность и выразительность описаний сделали повествование не только достоверным и убедительным, но и увлекательным для читателя» (с. 169).

В то же время на материале этой главы дискуссионность тезиса о том, что мемуары Лоуренса Аравийского «лишены заметного в английской традиции цивилизационного дискурса принижения чужой культуры», становится еще более очевидной. Тезис противоречит не только общим научным представлениям об ориентализме в западной культуре, но и самому анализируемому в этой главе материалу. Так на сс. 80–82 диссертации в качестве важных компонентов образа Востока, созданного в книге Лоуренса Аравийского, выделены (с соответствующими текстовыми иллюстрациями) «религиозный фанатизм», интуитивность, импульсивность, слепая убежденность, наслаждение от самоотречения, готовность к «рабству», «одержимость» противопоставленностью духа и плоти. Возникают закономерные вопросы: *В чем эти резкие характеристики не соответствуют базовому имагологическому механизму противопоставления «чужого» (оцениваемого, по крайней мере, как странного) «своему» (понятному и оцениваемому абсолютно положительно)? В чем они расходятся с признаками цивилизаторского дискурса, среди которых основные – обобщенность характеристик, выделение черт нелюбви к свободе и нецивилизованности, осознаваемой в первую очередь как недостаточная рациональность?*

Приведенный на с. 124 фрагмент из заключения мемуаров Лоуренса делают очевидным глубокое влияние на него и его отношение к Востоку того фундаментального

чувства (расового) превосходства, которое, в целом, формирует все основные особенности ориенталистского дискурса в западной культуре: «Я мечтал в оксфордской городской школе о том, чтобы успеть при жизни придать нужную форму новой Азии <...> Казалось бы, фантазии, но именно они подвинули меня на <...> борьбу». Стремление «придать нужную» в соответствии с собственными представлениями «форму новой Азии» полностью соответствует тому, что Э. Саид назвал «ориентализмом» как «западным стилем доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком», как дискурс, в котором выражена «идея превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами».

По всей видимости, в основе рассуждений об эмпатии Лоуренса, так же как о том, что его образ Востока никак не обусловлен ориенталистским дискурсом западной культуры, лежит комплекс таких исходных посылов, которые подчас лишают интерпретацию текстов качества научной объективности и достоверности: к ним относятся игнорирование важных теоретических источников по предмету исследования (на что уже было указано выше), невладение собственно арабским материалом, включая язык и арабские (по крайней мере, соответствующие теме научные) источники, европоцентричность мировоззрения самого исследователя, которая сказывается в недостаточно критическом отношении к анализируемому материалу. Этот последний посыл проявлен в тексте диссертации не только при анализе цитируемых фрагментов мемуаров. Так об откровенно грабительских крестовых походах сказано, что их единственной целью было «освобождение христианских святынь» (с. 54), а предпосылки освободительного движения в Османской империи описаны с опорой на европейские теории прогресса и демократии.

Глава третья содержит размышления о поэтике «Семи столпов мудрости» и точные и детальные наблюдения над такими ее аспектами как образ автора, система персонажей, поэтика пейзажа и поэтика заглавия. Эта глава представляется наименее дискуссионной и наиболее интересной для литературоведа с точки зрения интерпретации текста. К значимым результатам поэтологического анализа лоуренсовского текста относится выделение в образе автора ипостасей «романтика, идеализирующего свободу и беззаветное служение ей», разведчика и дипломата», «историка-арабиста», «бесстрашного воина» и т.п.; выявление в них стратегии героизации и определение в сочетании этих ипостасей и стратегии героизации опоры для дальнейшей мифологизации образа Лоуренса в английской культуре (с. 172). Безусловный интерес представляют наблюдения над средствами «поэтизации» и мифологизации заглавия книги; над соотношением словесно-

речевых и визуально-живописных портретов в ней; над амбивалентностью и многозначной символичностью пейзажа пустыни.

Уровень литературоведческого анализа текста в этой главе, вполне достаточный для того, чтобы прийти к объективным, обоснованным и значимым выводам о его поэтике, несколько снижен встречающимися терминологическими неточностями: так, Книга притчей Соломоновых определяется как «готовый художественный материал» (в то время как это религиозный текст) (с. 128); фраза «Фейсал <...> напоминал изящную колонну» ошибочно характеризуется как метафора (это сравнение); сочетания «коричневый платок», «длинное белое шелковое одеяние» определяются как эпитеты (это сугубо точные определения) (с. 137); сложная метафора «стрелы солнечных лучей ливнем обрушивались на наши головы» названа сравнением (с. 153).

Высказанные замечания не ставят основные результаты и уровень исследования, достаточный для диссертации, представленной на соискание степени кандидата филологических наук, под сомнение. Диссертация И.А. Кузьмина представляет собой оригинальное законченное научное исследование, отличающееся научной новизной, актуальностью, продуманностью структуры, основательностью аргументации, логичностью и ясностью изложения. **Теоретическая значимость исследования** состоит в выработке комплексного подхода к литературоведческому анализу текста военных мемуаров. **Научно-практическая значимость работы** состоит в возможности использовать её результаты в курсах истории английской литературы, культуры и страноведения, при разработке спецкурсов и составлению учебных программ и пособий по англо-арабским связям, литературе первой трети XX века, западному образу Востока.

Основные результаты диссертационного исследования И.А. Кузьмина изложены с достаточной полнотой в 3 статьях, опубликованных в журналах перечня ВАК, а также в тезисах по теме диссертации в трех сборниках материалов научных конференций. Опубликованные И.А. Кузьминым по теме исследования статьи и автореферат соответствуют содержанию диссертации и полностью отражают ее ключевые положения.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация И.А. Кузьмина «Мир Востока в прозе Лоуренса Аравийского» отвечает всем требованиям, изложенным в п. 9 Постановления Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г., а ее автор, Кузьмин Илья Андреевич, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности: 5.9.2. – Литературы народов мира.

Королева Светлана Борисовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры романо-германских языков, перевода,

зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Адрес: 603155, Приволжский федеральный округ, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а.

Контактный телефон: +7 (831) 436-15-75.

E-mail: admdep@lunn.ru.

03.04.2026

Подпись Королевой С. В.
Олеся О. И.
3 апреля 2026

